

OGOLOVOK

SUBSCRIBE

MORE ▼

☒ READABILITY

Categories:

[Армия](#) [Наука](#) [История](#) [Лытдыбр](#)

Выдающиеся люди

Нечая

Памяти академика Владимира Зиновьевича

(<http://pics.livejournal.com/ogolovok/pic/0004zx3g/>)

В.З. Нечай окончил Московский инженерно-физический институт (1959), инженер-физик. Доктор физико-математических наук (1974), профессор (1987).

Гавриков Олег
Константинович

[ogolovok](#)

<https://ogolovok.livejournal.com/2012-05-05> 00:21:00

Лауреат Ленинской премии (1964), Государственной премии СССР (1975), заслуженный деятель науки и техники (1996). Награжден орденом Дружбы народов (1985), медалями.

В 1959-1996 гг. – инженер-исследователь, начальник отдела в теоретическом отделении, заместитель научного руководителя – начальник теоретического отделения, в 1988-1996 гг. – директор РФЯЦ-ВНИИТФ.

Участвовал в первом подземном испытании ядерного оружия на Семипалатинском полигоне (1961. Научный руководитель направления исследований действия поражающих факторов высотного ядерного взрыва и создания средств защиты. Работал над созданием ядерных зарядов высокой удельной мощности и совершенствованием облучательных полигонных экспериментов, направленных на повышение стойкости отечественных боеприпасов к средствам противоракетной обороны.

Если бы Владимир Зиновьевич не ощутил давящие чувства своей беспомощности и личной вины в том, что не может обеспечить достойное существование коллективу своего предприятия в провальные для российской науки 90-е годы, коллективу который, по сложившейся годами советской привычке, бесконечно верил в могущество своего руководителя и в свою признанную исключительность за заслуги перед государством, и не взялся за пистолет, чтобы уйти из этой новой, не принятой им и не принявшей его, жизни, сегодня в кругу близких ему людей отмечал бы свой 76 год рождения. А так мы вынуждены уже шестнадцатый раз отмечать его рождение без него, перелистывая страницы его жизни и творчества, полагаясь на добрые слова памяти его друзей и соратников.

Сегодня своими воспоминаниями о дружбе и совместной работе с академиком Нечаем В.З. делится Доктор технических наук Щербина Александр Николаевич. Он любезно предоставил мне страницы своей книги «Саров, Снежинск и далее...», но я здесь помещу только те из них, которые характеризуют личность Владимира Зиновьевича. Поместить весь предоставленный мне материал не позволяет ограничение объёма публикаций в "Живом Журнале"

И так, Александр Николаевич вспоминает.

" Мы познакомились с Володей летом 1958 г. на танцплощадке перед клубом "Химик" на 21-й площадке, доставшейся нашему предприятию в наследство от радиобиологической лаборатории Тимофеева-Ресовского.

Володя неплохо танцевал, но больше любил смотреть на хорошо танцующие пары. Выяснили друг о друге, что он дипломник МИФИ, а я вечерник с 4 курса МИФИ-6. Несколько раз встречались в молодежных компаниях, где Володя держался исключительно скромно, почти не вступал в разговор.

Наше сотрудничество с В.З.Нечаем началось в 1965 г. Первый совместный отчет по теме «Комплекс» утвердил Ю.А.Романов. Отчёт был написан в соавторстве с В.П.Ратниковым, В.Б.Розановым и А.Н.Ткаченко. С этого времени общение из знакомства перешло к постоянным контактам, обсуждениям действия излучений ядерного взрыва на конструкцию и аппаратуру боеголовок. Этим направлением работ в институте тогда руководил Ю.А.Романов – заместитель Научного руководителя, доктор физ.мат. наук, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий. Володя работал под его руководством, и в 1964 году в составе творческого коллектива был удостоен Ленинской премии, за исследования поражающего действия мягкого рентгеновского излучения ядерного взрыва. Он стал первым в СССР лауреатом столь престижной премии в комсомольском возрасте.

Нашему сближению с Нечаем способствовали следующие обстоятельства. Юрий Александрович Романов в 1968 году предложил Володе Нечаю, Саше Хлебникову и мне последовать за ним в Арзамас-16. Видимо, предложение уже обсуждалось с руководством Главка. При очередной командировке в Москве Георгий Александрович Цырков посоветовал нам с Нечаем съездить в Арзамас-16, и на месте решить все вопросы перехода. В Арзамасе Юрий Александрович показал кабинет с табличкой “В.З.Нечай”, комнату, где предстояло работать мне. Фамилия Нечай уже была внесена в телефонный справочник Арзамаса-16.

На обратном пути, перед вылетом из Москвы, у нас было несколько свободных часов. Володя поехал к отцу, а я пошел купить кое-что детям. Очень сожалею, что не воспользовался тогда его приглашением и не познакомился с его отцом.

Встретились мы в аэропорту “Внуково” и услышали, что наш ночной рейс откладывается часа на четыре. Коротать время пошли в ресторан аэропорта, он работал круглосуточно. Там в ресторане, по существу, родилась редакция опыта «42». Мы на салфетке попытались оценить время, необходимое для проведения измерений действия механического импульса рентгеновского излучения на масштабных образцах техники, допустимое время на перекрытие канала вывода излучения, и другие параметры.

Я сказал Володе, что если он найдет техническое решение, как после срабатывания заряда-облучателя задержать на несколько десятков миллисекунд действие продуктов ядерного взрыва на позицию с исследуемыми образцами, то мы успеем зарегистрировать многие из

интересовавших нас параметров на боеголовке. Он сомневался, что такое решение возможно. Продукты ядерного взрыва распространяются по вакуумной трубе со скоростью более 100 км/сек и, по его оценкам, получалось, что удержать их можно с помощью двух взрыв-затворов на сотом метре от заряда-облучателя, всего на 3...5 мсек. Я убеждал его, что в проведенном «28-м» мои контейнеры на этой отметке продержались 8...10 мсек, и этот факт обнадеживает. Где-то к двум часам ночи за соседним столиком в полупустом зале расположилась компания с космонавтом Волковым, впоследствии трагически погибшим. И под “шум” этой компании мы спокойно обсуждали наши технические проблемы.

Поддержка опыта Е.И.Забабахиным сняла с повестки дня наш переезд в Арзамас, поскольку реализовать идею можно было только в коллективе опытных единомышленников и соратников, уже проводших три облучательных опыта.

Летом и осенью 1971 г. и у нас, и в Арзамасе шли интенсивные обсуждения и поиск технических решений защиты снаряжения боеголовок от действия рентгеновских квантов. Готовилось заседание НТС-2 Министерства по данному вопросу. В плане подготовки к обсуждению, мы с Владимиром Зиновьевичем предложили критерии стойкости различных элементов снаряжения. Построение защиты с использованием предложенных критериев позволяло минимизировать затраты дополнительного веса на борту боеголовки.

Чтобы убедиться в правильности нашей концепции, несколько раз выезжали в Миасс, в Конструкторское Бюро В.П.Макеева. Ездили поочередно на моей и на Володиной “Волге”, короткой дорогой через Ильменский заповедник.

Ракетчики, после обсуждения вариантов защиты корпуса боеголовки и снаряжения, предложили нам совместно с ними оформить заявку на изобретение. Нечай категорически отказался и сказал, что оформление изобретений теоретиками не приветствуется Е.И.Забабахиным. Вскоре ракетчики сообщили, что получили авторское свидетельство. А В.З.Нечай так никогда и не оформил ни одного авторского свидетельства на многие свои яркие идеи и технические решения.

. Было ясно, что решение, как построить защиту боеголовок, найдено.

После возвращения из Москвы с НТС, где докладывались результаты второго эксперимента, Е.И.Забабахин предложил Володе срочно подготовить к защите докторскую диссертацию. Нечай подготовил и сдал в Совет работу менее чем за месяц. О его блестящей защите написал физик-теоретик Борис Водолага, ныне доктор наук, лауреат Государственной премии, заместитель

директора РФЯЦ-ВНИИТФ по международному сотрудничеству \10\.. Здесь я лишь упомяну, что в своем первом поздравительном слове на товарищеском вечере по случаю защиты, Евгений Иванович Забабахин сказал: - “Володя, я Вас ценю за независимость мнения и желаю Вам новых больших успехов”.

Напряженная работа в тот период отразилась на здоровье. Нечай попал в больницу, диагноз был непростой. В дальнейшем ему пришлось следить за диетой, что в полигонных условиях всегда было проблемой.

Результат второго эксперимента был впечатляющим, и НТС института выдвинул работу на соискание Государственной премии. Однако тема не прошла, поскольку не была поддержана Арзамасом. Там готовили два физических опыта с облучателем Нечая и, естественно, не собирались отдавать Уралу первенство и большее число мест в авторском коллективе.

Министерства согласился с предложением института провести зачетный опыт с подрывом облученного боевого блока на номинальной мощности. Такая проверка была возможна только на полигоне Новая Земля.

В мае 1975 г. вакуумные трубы физической установки морским транспортом были доставлены к месту испытаний, и монтажники приступили к работам. По словам Владимира Семеновича Диянкова, который отвечал за вакуумную систему, снег в начале июня в поселке на берегу пролива Маточкин Шар был на уровне проводов на телеграфных столбах. Ко времени прибытия основной части экспедиции, первая декада июля, снег сошел на 50...100 метров по высоте от уровня моря. Земля представляла сплошную топь. При каждом шаге нога погружалась по щиколотку. Лучшей обувью были резиновые сапоги с меховыми вкладышами “унтятами”.

Речка Шумилиха, которую мы преодолевали по пути из поселка на штольню, разлилась так, что понтонерам приходилось каждый день восстанавливать понтонный мост. День и ночь были одинаковы, солнце не опускалось, и мы научились определять время суток по положению солнца с большой точностью.

Атмосфера ожидания очень давила. Нечай практически не спал. Просил завесить окно одеялом, чтобы не было ни щелочки света, иначе не мог заснуть. Тяжелых мыслей хватало. В редакции физической установки и в испытываемой боеголовке были очень интересные новшества. Но малейшая неточность или техническая неисправность могли погубить идею зачетного испытания, или дать повод для серьезных сомнений. Отмечу, что в положительном результате ФО сомневался и А.Д.Захаренков, в ту пору

заместитель Министра по оружейному комплексу. При обсуждении плана испытаний на 1976 год он поручил внести повторение опыта на случай неудачи.

Спасением от тяжелых мыслей были наши с Володиёв многочасовые прогулки вдоль пролива. Чтобы отвлечь его, я заводил разговор на различные темы, от истории казака Нечая до теории большого взрыва и разлета вселенной. Своими ответами Нечай демонстрировал глубокие, по сути, энциклопедические знания. На вопрос - откуда узнал, отвечал, что действительно очень много почерпнул из чтения энциклопедии.

(<http://pics.livejournal.com/ogolovok/pic/00051gf7/>).

В.З.Нечай и А.Н.Щербина на берегу пролива Маточкин Шар на фоне Пика Седова. Новая Земля, август, 1975 год.

Несколько дней томительно ждали погоду. Последние дни Нечай совсем извелся. Наконец наступило 23 августа. Раннее утро. Основная часть экспедиции на большом десантном корабле покинула поселок. После заключительных операций на многоместных вертолетах улетела вторая партия. Остались члены Государственной комиссии, руководители испытаний от предприятий, минимум измеренцев, и псы. К моменту испытаний облачность поднялась. Выход ударной волны вызвал кольцевую корону в облаках. Сильно заходила земля под ногами. Я видел, что наш знакомый офицер что-то сказал и передал бумажку Сергею Ващинкину. По реакции мне показалось, что Сергей расстроился. Но ничего узнать больше было невозможно, поскольку мы с А.А.Бунатыным улетали в другом вертолете.

Во время перелета настроение было очень подавленное. На аэродроме вертолеты долго “обнюхивал” дозиметрический бронетранспортер. Наконец разрешили выйти. Первые слова, которыми меня встретил Нечай, были: “Саня,

поздравляю тебя, ты доктор, ты это понимаешь!?”. Но я не понимал. Дело в том, что только сейчас из уст Карякина я слышал, что у нас результат неважный. И вдруг такой восторг Нечая. Как позже оказалось, Карякину доложили о “подсадке” заряда у Романова, а он ее интерпретировал, как нашу.

5 ноября 1975 года поступила телеграмма от Е.П.Славского с поздравлением институту и коллективу авторов, в связи с присуждением Государственной премии СССР - “за комплекс специальных физико-технических исследований”. Так была названа наша работа в официальных документах. От института лауреатами по теме стали: теоретики В.З.Нечай и В.Е.Севастьянов, математик А.С.Мельниченко, от физиков-экспериментаторов В.С.Диянков, от конструкторов Б.В.Белоусов и от испытателей А.Н.Щербина.

Остается добавить, что заряд, который успешно прошел проверку в составе боеголовки в состоявшемся ФО (где были подтверждены ранее полученные параметры заряда при его автономных испытаниях), в дальнейшем был поставлен на вооружение в знаменитый ракетный комплекс СС-20. Разработка заряда и передача его на вооружение были удостоены Государственной премии. Судьба ракетного комплекса СС-20 известна: он был широко развернут на последнем этапе противостояния Западу, а затем ликвидирован по договору с США вместе с ракетами “Першинг”.

Закончить это повествование хочу следующим эпизодом. В феврале 1976 года, на следующий день после вручения нам лауреатских знаков и дипломов в Кремле, моя жена Ирина привела нас с В.З.Нечаем в Исторический музей на выставку рисунков декабриста Бестужева. Затем мы зашли пообедать в ресторан. Там В.З. обратился к мастеру, который в вестибюле ремонтировал угол керамической плиткой. Володя договорился с мастером, взял отпуск на неделю, и занялся ремонтом в своей кооперативной “хрущевке” в Москве. Там на кухне обвалилась вся плитка. Володя был при мастере подсобником. Через неделю мастер предложил ему возглавить “дело”. Сказал, что у В.З. золотые руки, и “соображение” есть, а денежных клиентов в Москве хватает. Если бы он знал, что перед ним доктор наук, физик-ядерщик, элитный ученый.

Талант В.З.Нечая проявлялся в различных областях. Достаточно вспомнить, что он отремонтировал дома цветной телевизор, правда, при этом “сжег” мой осциллограф. Когда не существовало станций техобслуживания автомобилей, он сам выполнял довольно сложный ремонт старой “Волги”. Ему по душе было разобраться в чём-то новом, неизведанном. Но ни одно из домашних занятий, кроме чтения, не стало его “хобби”. Главным увлечением была ядерная физика, основная работа. И сейчас многие его научные достижения и созданные конструкции продолжают служить обороне России.

Научное направление, которое вёл Владимир Нечай по проблеме стойкости к поражающим факторам плюс его работы в создании зарядов – облучателей и зарядов для различных видов вооружения оказались большой школой для многих специалистов института, к которым я отношу и себя. По тематике, которую вёл Нечай, защищено семь докторских и полтора десятка кандидатских диссертаций.

Судьбе (при поддержке руководства) было угодно дать нам возможность выполнить с Нечаем несколько уникальных работ. К великому сожалению, не состоялся полностью подготовленный опыт в штольне 108к

Сегодня, 5 мая 2012 года Владимиру Зиновьевичу Нечаю исполнилось бы 76 лет.

Светлая ему память."

TAGS: [Ветераны вспоминают](#), [Замечательные люди](#), [Испытания ЯО](#)

[Андрей](#)

[Иллеш](#)

Андрей

Иллеш:

«Я писал

[Мезальянс с КГБ](#)

Штрихи знакомства Заботу о политическом и моральным состоянием военнослужащих

[Будни](#)

[Полигон](#)

Артефакт

В

предыдуи

2 comments

[Музей ядерного оружия РФЯЦ - ВНИИТФ \(часть 1 - авиабомбы\)](#)

[livejournal](#)

March 25 2013, 18:51:48 UTC

[COLLAPSE](#)

Пользователь [kara_banoff](#) сослался на вашу запись в записи [«Музей ядерного оружия РФЯЦ - ВНИИТФ \(часть 1 - авиабомбы\)»](#) в контексте: [...] боеприпасов являлась секретной. В дальнейшем, по инициативе Владимира Зиновьевича Нечая (1936-1992)

[Кто ковал ядерный щит Родины.](#)

[livejournal](#)

March 30 2013, 15:29:01 UTC

[COLLAPSE](#)

Пользователь [blackpost](#) сослался на вашу запись в записи [«Кто ковал ядерный щит Родины.»](#) в контексте: [...] Оригинал взят у в Выдающиеся люди [...]

COMPANY

PRODUCTS

COMMUNITY

[About](#)

["Share" button](#)

[Frank](#)

[News](#)

[Help](#)

CHOOSE LANGUAGE

ENGLISH

[Privacy Policy](#)

[User Agreement](#)

[Recommendation technologies](#)

[Help](#)

[v.834](#)